

СЕКЦИЯ 3. ЧЕЛОВЕК. ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ.

Е.Ю. Баранов
Екатеринбург

ПРИОРИТЕТЫ В ЦЕЛЯХ И МЕТОДАХ МЕСТНОГО ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЗАГОТОВОК СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИИ В ПЕРИОД СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА)

В результате коллективизации основным поставщиком сельскохозяйственной продукции должен был стать социалистический сектор. Сделанная на колхозы ставка в аграрном секторе отрицательно отражалась на единоличнике, который первоначально был вынужден нести основное бремя заготовок, направленных на обеспечение материальных потребностей индустриализации. С началом массовой коллективизации в деле заготовок упор делался на общественные самообязательства, которые должны были взять на себя крестьяне. Это позволило бы избежать административного нажима, широко практиковавшегося в ходе заготовительных кампаний 1927/28 и 1928/29 гг. Но форсирование социально-экономических преобразований обусловило повышение темпов заготовок сельскохозяйственной продукции. При этом, устанавливая высокие объемы заготовок, советское руководство окончательно перестало принимать во внимание хозяйственно-экономические интересы деревни. Крестьяне в свою очередь не сдавали продукцию, поэтому график выполнения заготовок на местах не соблюдался.

В этих условиях партийные и советские руководители вместо агитационно-пропагандистской работы с единоличниками и колхозниками во время сельскохозяйственных кампаний пошли путем применения административных мер, вернулись к апробированным обыскам и реквизициям хлеба, зачастую предназначенного для личного потребления. При подготовке к весенней посевной кампании 1930 г. в ходе мобилизации семенных фондов широко практиковался обход с обысками не только хозяйств единоличников, но и колхозников. За невыполнение твердого задания по заготовке применяли пятикратный штраф и описывали имущество [1]. Жесткие административные меры в отношении крестьянства получили ярлык «перегибов», вину за которые партийно-государственное руководство возложило на местный аппарат.

В феврале 1930 г. старший инспектор Уральского областного земельного управления М.П. Буров докладывал в Свердловский окружком ВКП(б) о «чрезмерных перегибах администрирования и отсутствие привлечения общественности к вопросу подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании» в Манчажском районе Свердловского округа, ссылаясь при этом на директивы и действия районных властей. По сообщению М.П. Бунова, уполномоченный райисполкома по подготовке к весенней сельскохозяйственной кампании секретарь райкома ВЛКСМ Смирнов дал секретное распоряжение уполномоченным сельсоветам: «Приступите немедленно к опечатыванию амбаров у не колхозников, после чего приступайте к выгребке хлеба и оставляйте только паек, как и колхозникам,...оставлять на еду только ржаной хлеб, овес и пшеницу всю забрать и другие технические культуры, неисполнение данной директивы влечет ответственность вплоть до отдачи под суд». На основании этого указания по Ювинскому сельсовету было опечатано примерно 200 амбаров у не вступивших в колхозы бедняков и середняков, а затем из них

полностью был вывезен хлеб. Данную работу осуществляли «производственные» бригады, которые просто шли по деревням и опечатывали амбары, а затем забирали весь хлеб и увозили на общие склады. По распоряжению Манчажского райисполкома задерживали хлеб, который крестьяне везли на рынок. Районное руководство отвечало на упреки в перегибах и отсутствие разъяснительной работы и агитации тем, что без применения административного нажима подготовку к весенней сельскохозяйственной кампании не провести. В марте в ряде районов Уральской области у колхозников проводились массовые обыски, в ходе которых происходило изъятие запасов мяса, картошки, предназначенных даже для семейного и личного потребления, укрывавших отдавали под суд [2].

В феврале–марте 1930 г. в Бишкильском районе Челябинского округа Уральской области, где было коллективизировано 88% крестьянских хозяйств, руководство района и сельсоветов решило активизировать заготовку семян, используя «метод подворного обхода», в ходе которого проводились «повальные» обыски крестьянских хозяйств на предмет выявления и изъятия семенного и продовольственного хлеба. Отмечались случаи, когда местное руководство шло на хитрость и обман населения при проведении заготовок. В Шахматовском сельсовете под видом сбора утильсырья, проводившегося по решению общего собрания, ударная бригада проводила поголовный обход крестьянских дворов с целью выявления спрятанного хлеба.

В одной из резолюций, принятой бюро Бишкильского райкома ВКП(б) в начале 1930 г., говорилось: «Отметить снижение темпов по сбору семян в сельсоветах, как выполнивших, так и не выполнивших задание. Предложить секретарям ячеек ВКП(б) ни в коем случае не ограничиваться 100% выполнением плана. Заготовку продолжать вплоть до выкачки всех семян у населения». С такой установкой уполномоченные райкома партии разъезжались по сельсоветам. Через несколько дней секретарю райкома партии Фидлеру поступили записки с вопросом: «Какие методы можно использовать для усиления темпов заготовки семян?». На что Фидлер ответил следующим распоряжением: «Основных методов придерживайтесь следующих – возьмите метод измора, чтобы крестьянство сдалось и было сломлено и сдано верно. Всех недосдатчиков тормозите день и ночь, не давайте спать, но берегите себя, чтобы Вы раньше их не сломались, а поэтому распределите работу и среди актива. Вызывайте каждый час недосдатчиков и требуйте немедленной сдачи семян...».

В Казбаевском сельсовете на общем собрании Фидлер дал установку немедленно начать повальные обыски. В следующий приезд Фидлер распорядился забирать не только семена, но выгребать подчистую и весь продовольственный хлеб. В деревне Кукушка секретарь райкома партии приказал всех недатчиков морить бессонницей. По указанию окружного уполномоченного Вороцевича и руководства района в Варламовском сельсовете все колхозники и крестьяне были заперты в избы, где просидели без выхода четверо суток. Районное руководство считало, раз эти методы дали хорошие результаты, их следует максимально использовать. Крестьян арестовывали, распродавали их имущество, морили голодом.

В Звягинском сельсовете районный уполномоченный Лысков для скорейшего завершения заготовки семян организовал ударную бригаду, прозванную «дикой». В нее входили все коммунисты, комсомольцы, беднота и даже крепкие середняки. Первоначально «дикая» бригада практиковала повальные обыски, но они не дали значительных результатов.

После чего руководство бригады избрало другую тактику заготовительной кампании. Бригада занимала дом с четырьмя комнатами. В первой комнате сидели вызванные недосдатчики семян, во второй – женщины, проверявшие талончики на сдачу хлеба, в третьей комнате располагалась смешанная группа из женщин и мужчин. Процедура работы с недосдатчиками состояла из нескольких стадий, предполагавших прохождение через комнаты. Из первой комнаты крестьяне попадали во вторую, где выяснялось выполнение хозяйством плана, в третьей комнате «должников» окружали женщины и мужчины и начинали со всех сторон кричать: «Сдавай семена, даешь хлеб...». Если крики на недосдатчика не действовали, то его проталкивали в четвертую комнату, где сидели «главари» «дикой» бригады и из которой «крестьяне выбрасывались избитыми». Избивались не только крестьяне, причисленные к середнякам, но и бедняки, колхозники. Пытавшиеся возразить и сопротивляться таким методам «дикой» бригады бедняки и середняки избивались, арестовывались и садились в холодные амбары. Практика массовых избиений и арестов, производимых членами «дикой» бригады, коснулась не только крестьян села Звягино, но и жителей ближайших деревень и хуторов. У избитых брали подписки о невыезде из сельсовета и о том, что их никто не избивал. Кроме этого, крестьяне вынуждены были терпеть издевательства со стороны участников «дикой» бригады. Так, руководители бригады Лысков, Загуменнов и Кузнецов вызвали Анну Звягину, жену крепкого середняка, и приказали ей немедленно сдать все семена и продовольственный хлеб. Звягина отказывалась, тогда Лысков приказал комсомолке Малеванцевой под страхом ареста «засадить толстую Звягину в маленький гардероб», что было выполнено. В Звягинском сельсовете за время действия «дикой» бригады, не было собрано ни одного общего и бедняцкого собрания.

В деревне Колотовке Бишкильского района уполномоченный райисполкома Рылов, направленный для организации заготовки семян, вызывал в отдельный кабинет недосдатчиков, наставлял наган и под страхом смерти заставлял сказать, где зарыт хлеб. Методы работы «дикой» бригады и Рылова получили одобрение окружного уполномоченного Вороцевича, контролировавшего ход заготовок в районе. Весной 1930 г. вслед за решениями высших органов партийно-государственной системы власти руководители Челябинского округа осудили действия районных властей и квалифицировали их как перегибы [3]. Но формальное осуждение рвачества в деле заготовок и коллективизации на местах, совсем не означало категорический отказ от насилия в дальнейшем. Конечно, можно попытаться объяснить насильственные методы заготовок произволом, самоуправством местных властей на уровне округов, районов и сельсоветов. Но основным фактором их поведения нам видится желание максимизировать выполнение заготовительных планов и коллективизацию.

В ходе ликвидации «перегибов» весной 1930 г. местные власти старались уделять больше внимание агитационно-пропагандистской работе как форме «борьбы» за выполнение планов заготовок, используя для этого общие собрания селян, печатные органы. Разворачивались программы по социальным вопросам за социалистический заем семян из личных запасов колхозников колхозу. Однако крестьяне не желали отдавать продовольственный хлеб и семена государству. Осенью 1930 г. тревоги за выполнение заготовок у местного руководства возрастали. При сохранении генеральной установки на изъятие сельхозпродукции из деревни чрезвычайные меры пришлось реанимировать. Вернулись к пятикратным штрафам и уголовному преследованию в делах по невыполнению заготовок.

В декабре в Щучанском районе Уральской области на 93 хозяйства наложили пятикратный штраф, 63 хозяйства народные суды привлекли к ответственности, по уголовным статьям было осуждено 2 хозяйства, к принудительным работам приговорили 45 человек. Аналогичная ситуация сложилась в Ярковском районе [4].

В 1931 г. коллективизация в уральской деревне привела к доминированию социалистического сектора в сельском хозяйстве. Колхозы становились основными поставщиками полеводческой продукции [5]. Вместе с тем завышенные заготовительные планы, истощение людских ресурсов деревни, вызванное, прежде всего, раскулачиванием, низкий урожай 1931 г. обострили ход заготовок, план которых Уральская область не выполняла. Одно из обсуждений последнего обстоятельства состоялось 24 октября на совместном заседании бюро Уральского обкома ВКП(б) и президиума Уральской областной контрольной комиссии, на котором особо остро стоял вопрос о неспадке хлеба зерносовхозами. Основная вина за прекращение хлебозаготовок была возложена на второго секретаря обкома П.Т. Зубарева, с санкции которого Зернотрест приостановил хлебозаготовки. Несмотря на постановление бюро обкома от 11 сентября о необходимости выполнения хлебозаготовительного плана, П.Т. Зубарев распорядился не вывозить хлеб из ряда зерносовхозов, в том числе Уйского и Подовинного, из-за низкого урожая и необходимости сбора семян для сева. На заседании выступали руководители Зернотреста и Животноводтреста, которые говорили о недостатке семян для обеспечения сева. Ситуация с выполнением плана хлебозаготовок совхозами области осложнялась еще неопределенностью окончательного годового плана по зерносовхозам. На заседании говорили о необходимости наказания Зубарева и руководителей Зернотреста [6]. В результате вскоре П.Т. Зубарева сняли с поста второго секретаря обкома партии, его «проступок» публично осудил первый секретарь Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабаков в статье «Против оппортунизма и гнилого либерализма», опубликованной в областной газете «Уральский рабочий»: «...Второй секретарь обкома партии Зубарев, стоя в центре руководства областной организации, официально принимал партийные решения по проведению хлебозаготовок, а за спиной санкционировал рассылку на места директив о прекращении сдачи хлеба совхозами...» [7].

В условиях сельскохозяйственного кризиса руководитель областного уровня попытался позаботиться об интересах хозяйств региона и всего лишь приостановить ход заготовок, за что был осужден своими коллегами и снят с партийной должности. Несмотря на кризис, местные власти стремились всецело выполнить установленные центром планы, что только приводило к ухудшению ситуации. Заготовки реализовывались за счет продовольственных и семенных фондов крестьян и колхозников. Цена выполнения заготовительных планов была достаточно высокой, в деревне наступил голод. Поведение местных партийных и хозяйственных руководителей объяснялось персональными последствиями: за срыв заготовок их привлекали к партийной, административной и уголовной ответственности.

Таким образом, в ходе заготовительных кампаний в период сплошной коллективизации местное руководство, преследуя цели выполнения заготовительных планов, активно использовало средства административного нажима, насильственные методы, которые в отличие от агитации и пропаганды доказали свою эффективность. В 1930 г. они носили более агрессивный характер и выливались даже в издевательства над

крестьянами. Политических и хозяйственных руководителей, пытавшихся защитить интересы хозяйств региона, приостанавливая заготовки, осуждали и наказывали. Заготовки, нацеленные на максимальное изъятие хлеба из деревни и проводившиеся с широким использованием насилия, стали, по сути, методом сплошной коллективизации. Крестьяне, истощенные насильственными заготовками, налогами и раскулачиванием, вынуждены были вступать в колхоз.

Примечания:

1. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы / Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург, 2000. Т. 2. С. 21, 22.
2. Там же. С. 17, 18, 20.
3. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Документы и материалы (Пермская, Свердловская, Челябинская области): в 6 т. Свердловская область. Т. 1. / гл. ред. академик РАН В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2005. С. 495–508.
4. Продовольственная безопасность Урала в XX веке... Т. 2. С. 23, 33–35.
5. См., например: Баранов Е.Ю. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928–1933 гг.: Автореф. дис... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2002. С. 18, 19.
6. Центр документация общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 9. Д. 53. Л. 55–85.
7. Уральский рабочий. 1932. 3 января.

Н. И. Богданова

Конда

ОТКРЫТИЕ ИМЕНИ В ИСТОРИИ КОНДЫ

Неисповедимы пути господни. Иначе, почему имя Сергей Карцевский – всплывавшее в письмах Искры и Накорякова в середине 1860 гг. было предано забвению, чтобы затем через 40 с лишним лет появиться вновь опять же через эти письма. В орбиту открытия этого имени было втянуто немало людей. Итак, все по порядку.

На просьбу известного краеведа и журналиста Ханты-Мансийского автономного округа – Валерия Константиновича Белобородова предоставить какие-нибудь интересные материалы из фондов музея для публикации в журнале «Югра» – я предложила переписку 60х годов Искры, Накорякова с учительницей Кондинской средней школы № 1 – Екатериной Васильевной Головкиной. Уже очень там были интересные факты, ведь Искра работал партийным функционером в 20е гг. на Конде, а Накоряков, был соратником Ленина по РСДПР еще до Первой революции 1905 г., но нам он интересен ни этим фактом и не своими встречами с человеком, поставившим все с ног на голову в России в 1917 г.

Для нынешнего молодого поколения имя Ленин уже мало что говорит, а вплоть до 80-х гг. XX в., т.е. до перестройки, все, связанное с именем Ильича – было свято и незыблемо. Накоряков даже написал большой очерк о своих встречах с лидером коммунистической партии, ну да речь не об этом, а о том, что по просьбе неугомонного Искры, человека необыкновенно активной жизненной позиции – который, уехав из Кондинского края не потерял с ним связи: он вел большую переписку с учителями – супругами – Головкиными, особенно с Екатериной Васильевной, которая увлеченно занималась краеведческой работой с учащимися Кондинской школы, так вот по просьбе Ивана Искры Н.Накоряков написал в 1965 году письмо в Кондинскую школу, молодой учительнице истории Медведевой – привожу его полностью.

«Дорогой юный товарищ Медведева

Получил Ваше письмо и обрадован им. Новые юные силы уже преобразуют и далекий, когда-то глухой Кондинский край. Это напомнило